

**ВРЕМЯ
ИМЫ** 100
1988

100

НОМЕРОВ В МИРЕ СВОБОДЫ

ВРЕМЯ и МЫ

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ**

Четырнадцатый год издания.

Выходит один раз
в два месяца

**100
1988**

НЬЮ-ЙОРК — ИЕРУСАЛИМ — ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ И МЫ» — 1988

**ИЗДАТЕЛЬ И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ВИКТОР ПЕРЕЛЬМАН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**ВАГРИЧ БАХЧАНЯН
ЮРИЙ БРЕГЕЛЬ
ДЖОН ГЛЭД
АРОН КАЦЕНЕЛИНБОЙГЕН
ЛЕВ НАВРОЗОВ
ГРИГОРИЙ ПОЛЯК**

**ВОЛЬФГАНГ ЗЕЕВ РУБИНЗОН
ИЛЬЯ СУСЛОВ
МОРИС ФРИДБЕРГ
ВЛАДИМИР ШЛЯПЕНТОХ
ЕФИМ ЭТКИНД**

Израильское отделение журнала «Время и мы»
Заведующая отделением Дора Штурман
Адрес отделения: Jerusalem, Talpiot mizrach, 422 6

Французское отделение журнала «Время и мы»
Заведующий отделением Ефим Эткинд
Адрес отделения: 31 Quartier Boiedieu, 92800
PUTEAUX, FRANCE

СОДЕРЖАНИЕ

К ВЫХОДУ 100 НОМЕРА <i>Виктор ПЕРЕЛЬМАН</i> Исповедь перед юбилеем.....	5
ПРОЗА <i>Фридрих ГОРЕНШТЕЙН</i> Место.....	32
<i>Борис ХАЗАНОВ</i> Хроника о Картафиле.....	112
ПОЭЗИЯ <i>Тимур КИБИРОВ</i> Сквозь прощальные слезы.....	129
ПУБЛИЦИСТИКА. СОЦИОЛОГИЯ. КРИТИКА. <i>Владимир СОЛОВЬЕВ</i> Гласность: пир во время чумы.....	149
<i>Комментарий редакции</i> Гласность как надежда на будущее.....	164
<i>Андрей СИНЯВСКИЙ</i> Святой палач.....	167
<i>Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ</i> Гений на рынке искусств .	187
<i>Ефим ЭТКИНД</i> С четырех сторон огороженный.....	198
ПОЛЕМИКА <i>Арон КАЦЕНЕЛИНБОЙГЕН</i> Янов против Солженицына.....	204
<i>Дора ШТУРМАН</i> Солженицын и некоторые его читатели.....	215
ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО <i>Аба ЭВАН</i> Рождения Израиля.....	225
<i>Александра ТОЛСТАЯ</i> Лев Николаевич и Софья Андреевна.....	253
ПРИЛОЖЕНИЕ Каталог журнала «Время и мы». Выпуски 1-100.....	283

ДОРА ШТУРМАН

СОЛЖЕНИЦЫН И НЕКОТОРЫЕ ЕГО ЧИТАТЕЛИ

Уже давно в довольно обширных кругах, как эмигрантских, так и западных, стало модой и считается признаком прогрессивности бранить Солженицына, на что он обстоятельно ответил в статье с ироническим названием «Наши плюралисты»*. Но и эта попытка восстановления истинной картины вызвала массовую отрицательную реакцию у антагонистов Солженицына.

Весьма характерна для статей и книг его бесстрашных антагонистов книга А. Янова «Русская идея и 2000-й год». Я не ставлю перед собой в этой короткой статье задачи ее исчерпывающего анализа и даже рецензирования. Позволю себе лишь несколько замечаний. Мне эта книга представляется очередной попыткой бездоказательного, поверхностного, в конечном итоге — ложного истолкования истории и современного состояния русской общественной мысли.

*ВРХД № 139, 1983.

В ходе этого толкования возникает и авторская модель миропонимания Солженицына, решительно не соответствующая действительности. Отталкивание, недоумение и чувство протеста возникали у меня при чтении большинства страниц этой книги.

Приведу несколько примеров. Несерьезна, на мой взгляд, трактовка пострадавших и непрерывно им самим корректируемых убеждений Солженицына как эпигонства или плагиата у славянофилов XIX века. Почему же не предположить непредугаданное Солженицыным совпадение некоторых позиций (если таковое действительно имеется)?

Янов постулирует также идентичность ряда идей Солженицына программе журнала «Вече» и других крайне агрессивных русских националистов (стр. 62-63, 187 и много других). Каждое подтверждение подкрепляется отрывистыми цитатами, изъятыми из их контекста и перенесенными в контекст Янова (часто цитатами не солженицынскими, а почерпнутыми у его мнимых единомышленников). Сплошь и рядом две-три строки, на которые опирается концепция Янова, служат единственным доказательством его правоты. Он полагает, что для читателя этого достаточно. Солженицын же посвящает важным для него проблемам множество статей, интервью, речей, писем и страниц художественных произведений. Только в их совокупности возникают истинные убеждения Солженицына. Не прочитав, по-видимому, большинства его работ, Янов во многих случаях выносит категорические суждения. Так он утверждает, что Солженицын проклинал русскую интеллигенцию, отрицает самое ее существование и нужду в ней в будущей авторитарной теократической или монархической России.

В действительности Солженицын ни разу не высказал симпатий к теократии. Он жаждет увеличения слоя интеллигенции и трансформации в истинную интеллигенцию нынешней конформистской по отношению к режиму «образованщины». Он говорит:

«Конечно, от десятилетия к десятилетию сжимали невиданно (западным людям и не вообразить, пока до них не докатилось). Людей динамичной инициативы, отзывных на все виды общественной и личной помощи, самостоятельности, — подавляли гнетом и страхом, да и саму общественную помощь заглаживали казенной лицемерной имитацией. И в конце концов поставили так, что как будто третьего нет: в травле товарища по работе никто не смеет остаться нейтральным — едва уклонясь, он тут же становится травимым и сам. И все же у людей остается выход и в этом положении: что ж, быть травимым и самому! что ж, пусть мои дети на корочке вырастут, да честными! Была б интеллигенция т а к а я — она была бы непобедима» (1, стр. 95-96, разрядка Солженицына).

Янова глубоко возмущает термин «образованщина». Это определение якобы распространяется Солженицыным на всю интеллигенцию, которой противопоставлены малограмотные священники. В лучшем случае — это заблуждение, незнакомство с творчеством Солженицына, а в худшем — просто ложь. Ибо для Солженицына разница между «образованцем» и интеллигентом состоит не в степени интеллектуальной и профессиональной неравноценности, а в отсутствии у первого и в наличии у второго высоких нравственных принципов. Приведу очень большую цитату (одну из многих и многих), в которой утверждения Солженицына не вырваны из их логического контекста:

«А есть еще особый разряд — людей именитых, так недосыгаемо, так прочно поставивших имя свое, предохранительно окутанное всесоюзной, а то и мировой известностью, что, во всяком случае в после-сталинскую эпоху, их уже не может постичь полицейский удар, это ясно всем напрозор, и вблизи, и издали; и нуждою тоже их не накажешь — накоплено. О н и - т о — могли бы снова возвысить честь и независимость русской интеллигенции? Выступить в защиту гонимых, в защиту свободы, против удушающих несправедливостей, против убогой навязываемой лжи? Двести таких человек (а их и полтысячи можно насчитать) своим появлением и спянным стоянием очистили бы общественный воздух в нашей стране, едва не переменили бы всю жизнь! В предреволюционной интеллигенции так и действовали тысячи, не ожидая защитной известности. В нашей образованщине — насчитаем ли полный десяток? Остальные — такой потребности не имеют! (Даже если у кого и отец расстрелян — ничего, съедено.) Как же назвать и зримую верхушку нашу — выше образованщины?»

В сталинское время за отказ подписать газетную кляузу, заклинание, требование смерти и тюрьмы своему товарищу действительно могла грозить и смерть, и тюрьма. Но сегодня — какая угроза сегодня склоняет седовласых и знаменитых брать перо и, угодливо спросивши —

«где?», подписывать не ими составленную грязную чушь против Сахарова? Только личное ничтожество. Какая сила заставляет великого композитора XX века стать жалкой марионеткой третьестепенных чиновников из министерства культуры и по их воле подписывать любую презренную бумажку, защищая кого прикажут за границей, травя кого прикажут у нас?..

Бывало ли столь жалкое поведение среди великих русских ученых прошлого? среди великих русских художников? Традиция их сломлена, мы — образованщина.

Тройной стыд, что уже не страх перед преследованием, но извилистые расчеты тщеславия, корысти, благополучия, спокойствия заставляют так сгибаться «московские звезды» образованщины и средний слой «остепененных». Права Лидия Чуковская: *кого-то* от интеллигенции пришла пора отчислить. Если не *этих* всех — то окончательно потерял смысл слова». (1, стр. 96-97. Курсив и разрядка Солженицына).

Сконструированный Яновым Солженицын выступает в роли политического пророка, апологета русского мессианства, врага просвещения и демократического Запада (стр. 214, 221, 233 и др.). Очень интересно, читал ли Янов следующие высказывания Солженицына:

«Вы знаете, я немало поездил по странам, выступал — но просто от страсти: не могу спокойно смотреть, как они сдают весь мир и самих себя». (II, стр. 354).

«Итак, господа, я освещаю вам только факты, я повторяю, мы, живя в рабстве, только мечтать можем о свободе, и не свободу критикуем мы, но как иногда распоряжаетесь вы свободой, слишком легко отдавая ее шаг за шагом. Если этот процесс будет продолжаться, предоставляю вам прогноз». (II, стр. 173).

«Я не критик Запада, я критик — слабости Запада» (II, стр. 254).

Или вот эти:

«Я — не политический деятель, и могу предлагать советы только духовные. Я хотел бы, чтобы Запад не терял воли и понимал, что свобода, которая досталась от предков и которая у вас уже 300 и больше лет, что эта свобода требует жертв»... (II, стр. 260).

«Куда им менять нашу ситуацию? Куда, вам, Западу, спасти нас? Вы только себя сберегите. Вы только сами не сдайтесь. Пожалуйста, только не спешите стать на колени, как сегодня становятся ваши демонстранты в Западной Европе. Лишь бы Запад как-нибудь удержался, устоял». (III, стр. 4).

«...Накануне планетарной битвы между мировым коммунизмом и мировой человечностью хотя бы ясно видел Запад, где враги человечности и где друзья ее, — и не искал бы союза врагов, но искал бы союза друзей. Так много уже уступлено, отдано и расторгнуто, что сегодня Запад уже не может устоять даже при единении всех западных государств, — а лишь в союзе с поработоченными народами коммунистических стран». (I стр. 344.)

И еще в десятках блестящих работ твердит этот «враг Запада», враг свободы и демократии, о неотложной необходимости спасения Запада и его свобод, о самозащите Запада.

По Янову, «Солженицыну 1980-х точно так же (как Константину Леонтьеву — Д.Ш.) не нужна Россия ни самодержавная и ни православная» (стр. 247). «Солженицыну ненавистен парламентаризм» (стр. 257).

Каждому из этих утверждений легко противопоставить убедительные и доказательные антитезисы, если только читать самого Солженицына, а не довольствоваться журнально-газетной перепалкой его апологетов и хулителей.

Солженицын, по Янову, — идеолог русского шовинизма. Для него еврей и дьявол (Богров, Парвус) — синонимы. Существует интересная закономерность: когда речь о социалистической революции идет с ностальгическим, прямо-таки любовным подтекстом, мы (евреи и семитофилы) принимаем свидетельства об участии евреев в этой революции с гордостью и удовлетворением (Маркс — еврей, у Ленина есть еврейская кровь, Троцкий, Зиновьев, Каменев и иже с ними — евреи). И отыскиваем все новые и новые имена. Когда речь о роли евреев заходит в осуждающих марксизм и революцию контекстах, мы обижаемся и чувствуем себя оскорбленными. Между тем, как может историк и писатель, воссоздающий истинную картину событий, обойти эту роль?

Я вполне солидарна с теми, кто отвергает версию инороднического происхождения октябрьской и февральской революций. Но ведь и Солженицын ее не постулирует. Он говорит лишь об идеологическом заимствовании социалистических и коммунистических идей из западных источников и о попытках их реализации на российской почве. Кстати, ни один из упомянутых им евреев — террористов, революционеров и теоретиков не опирается на национальные идеи, а лишь на интернационалистские. Двенадцать евреев из сорока шести последователей и соучастников

Ленина, окружавших его, по Солженицыну, в Цюрихе, — это вполне реалистическое соотношение. Когда у Парвуса, считавшего себя скорее немцем, чем россиянином (он говорит об этом Ленину), или у вполне ассимилированного Богрова возникают национальные побуждения, Солженицын именно этого и не осуждает. Он отнюдь не отрицает благородства истинного космополитизма:

«В таком интернационализме-космополитизме было воспитано все наше поколение. И (если отвлечься — если можно отвлечься! — от национальной практики 20-х годов)* в нем есть большая духовная высота и красота, и, может быть, когда-нибудь человечеству уготовано на эту высоту подняться». (I, стр. 105.)

И далее:

«Наученные муками, не дадим нашим национальным болям превзойти сознание нашего единства. Настрадавшись от лютого насилия — никто из нас никогда да не применит его к соседям.... Соединяясь друг с другом при полном доверии, не позволяя себя усыпить расслабляющей эмигрантской безопасностью, никогда не забывая наших братьев в метрополии, — мы составим и голос, и силу, влияющую на ход мировых событий.»

Страсбург, 27 сентября 1975 г. (II, стр. 227-228).

Я здесь не исследую «Красное колесо», но не могу не привести одного отрывка из «Августа Четырнадцатого», относящегося к отрочеству и юности Богрова (в быту — Дмитрия, по официальным документам — Мордко, это имя Солженицын и упоминает). Вот этот отрывок:

«Как и все гимназисты того времени, он жадно вживался в либеральные и революционные учения. Постоянное сочувствие к революции и ненависть к реакции густились в нем, как и во всей русской учащейся молодежи. Гимназистом 5-го класса Богров уже посещает кружки самообразования, читает литературу и агитирует сам — булочников, каретников. Он очень рано определяет свое презрение к нерешительным социал-демократам, сочувствует эксам и террористическим актам. Переменяясь, он отдает свои симпатии то эсерам, то максималистам, то анархистам. В споре с отцом, предпочитающим эволюционное развитие, мальчик до слез отчаяния отстаивает путь не только революционного изменения строя, но полного уничтожения основ государственного порядка. (IV, стр. 114-115. Курсив Солженицына.)

Я прошу читателя обратить внимание на следующие слова: «как и все гимназисты того времени»;

* Почему только 20-х? Д.Ш.

«как и во всей русской учащейся молодежи», «мальчик до слез отчаяния отстаивает путь... полного уничтожения государственного порядка».

Множество критиков и ругателей Солженицына твердят, что антитеза «Столыпин — Богров» — символ роковой для России антитезы «Россия — еврейство». Это же противопоставление («Столыпин — мировое еврейство») усматривают в «Августе Четырнадцатого» читатели-антисемиты. В действительности еврейство Богрова — дополнительное обстоятельство, характерное для Юга и Юго-Запада России, где среди революционеров было много евреев.

Там, где Солженицын говорит о Москве и Петербурге, среди революционеров, террористов и сочувствующих им, преобладают русские. В целом же речь идет о типических настроениях «всех гимназистов того времени»; «всей русской учащейся молодежи», о настроениях, искренних «до слез отчаяния», но от этой искренности не менее роковых для России.

У Солженицына речь идет об антитезе «созидание — разрушение», «эволюция — взрыв», который обломками перегородит дорогу дальнейшего мирного поступательного развития и создаст новое историческое явление — страшную зону тотала.

В интервью Б.Пиво подчеркнута Солженицыным идеологическая предопределенность «русского революционного террора», а не борьба еврейства России за свое равноправие. И в романе, и в разговоре с Б.Пиво выделена типичность акции Богрова для практики террористов не только России начала XX века, но и современного мира. Это подчеркивает и Б.Пиво:

П: Ваше описание терроризма делает «Август Четырнадцатого» очень актуальным для современного читателя. Вы посвящаете много страниц убийце Столыпина Богрову. Мне Богров кажется очень похожим на сегодняшних террористов, в частности тем, что он подвержен экзальтации и что им манипулируют.

С: Да, одна из причин актуальности «Августа», 2-го тома, — в том, что это история русского революционного террора. Не только Богров... я, если помните, там даю сперва целую вереницу террористов, и так как невозможно охватить всех террористов России, то я беру только террористок-женщин. И то уже получается страшная картина.

Л: Да, у Вас целая глава о женщинах. Но я хочу выделить одну, она потрясающая. Это Евлалия Rogozinnikova. Она запрятала 13 фунтов динамита себе в лифчик, чтобы броситься и взорвать собой крупных персон. Это мне напоминает не только японских камикадзе во время войны, но и нынешних террористов на Ближнем Востоке, которые за рулем грузовика с динамитом жертвуют при взрыве и своей собственной жизнью.

С: Вот мы здесь и видим, насколько революционный террор в России имел все характерные черты сегодняшнего террора. В некотором отношении Россия прошла современный путь мира раньше на несколько десятилетий, даже на полвека. Да, дело не в одном Богрове, я хотел этой галереей террористок показать всю силу террора, его движущие идеи, его приемы, методы... И я думаю, что на этих женщинах показал. Они все были частью своей организации, их всех направляла подпольная организация и посылала на эту смерть, но сначала на убийство. А Богров — совсем особенное явление. Всех остальных террористов направляла организованная сила: иди и убей! и неважно, что будет с тобой. А Богров — его никто не направляет. Его направляет, страшное дело, общественное мнение. Вокруг него существует как бы поле, идеологическое поле. И в этом идеологическом поле — государственный строй России считается достойным уничтожения. Столыпин считается ненавистной фигурой — за то, что он Россию оздоравливает и тем спасает. Никто не говорит Богрову: пойдешь убей! Он не связан практически ни с каким подпольем. Ему 24 года, и он в 24 года решает, что он, пожалуй, убьет Столыпина и повернет направление России. Это более сложный, структурно более тонкий способ манипуляции — не простого подполья, а идеологического поля, общего направления. Но это еще страшнее, потому что, как видите, само идеологическое настроение общества может создать террор» (III, стр. 2-3).

Можно было бы привести много суждений Солженицына — о праве евреев СССР на собственные культуру, религию и язык, об Израиле. К примеру следующее:

ОТВЕТ ТРЕМ СТУДЕНТАМ

...И не возражайте мне, что «все понимают справедливость по-разному». Нет! Могут кричать, за горло брать, грудь расцарапывать, но внутренний стукоток так же безошибочен, как и внушения совести (мы ведь и в личной жизни пытаемся перекричать совесть). Например, я уверен, что лучшие из арабов и сейчас прекрасно понимают, что Израиль по справедливости имеет право жить и быть.

Жму руки!

Солженицын
Октябрь 1967

Рязань
(II, стр.9-10.)

И это:

«Когда отважный Израиль насмерть защищался вкруговую — Европа капитулировала поодиночке перед угрозой сократить воскресные автомобильные прогулки.

Еще два-три таких славных десятилетия мирного сосуществования — и понятия «Запад» не останется на Земле» (I, стр. 203-205).

В книге Янова есть и просто забавные вещи: Столыпин, убитый (по Янову) русской монархией, отождествляется в концепции Янова с Ярузельским (стр. 273)!

Но хватит о Янове: нам предоставлен жесткий лимит страниц. Думаю, сказанного достаточно для того, чтобы увидеть несостоятельность яновской интерпретации Солженицына.

Возникает вопрос: почему множество авторов, даже не альтернативных взглядам Солженицына, трактуют его воззрения столь поверхностно и произвольно? Этот парадокс заставил меня почти три года исследовать его творчество, читая и комментируя все, что он опубликовал. Результатом явилась книга «Городу и миру. О публицистике Солженицына». Я пришла также к выводу, что оппоненты Солженицына не читали Солженицына во всей совокупности его публикаций. А он, декларативно осудивший национал-большевиком (I, стр. 57-58), ошибочно экстраполирует свою позицию в национальном вопросе почти на все новейшее русское национальное движение. Поэтому он говорит:

«Пугают — фантомом. «Русским национализмом» клеймят сейчас простое чувство любви к своей родине, естественный патриотизм. Но страну, не знавшую 50 лет простого хлеба, — уже никому не настроить к воинствующему национализму. Держать в плену другие народы, держать в капкане Восточную Европу, захватывать и вооружать дальние заморские страны — это нужда злого Политбюро, а не рядового русского человека. Что же касается «исторического русского мессианизма», то это — сочиненный вздор: за несколько веков никакие духовно-влиятельные, или правительственные, или интеллигентские слои в России не страдали мессианской болезнью. Да я допустить не могу, чтобы в наше погрязшее время на Земле какой-нибудь народ смел бы считать себя «избранным». (I, стр. 318, 323.)

В ответ его оппоненты распространяют на него и на всех почвенников взгляды шовинистического, агрессивного крыла русских националистов, которые у всех порядочных

людей вызывают возмущение, разделяемое и Солженицыным:

«Несомненно намерение власти: снова сэкспуатировать ими же угнетенное русское национальное чувство — для своей новой войны, для своих жестоких империалистических целей, и тем судорожней и отчаянней, чем больше будет коммунизм идеологически тонуть — чтобы получить от национальных чувств недостающую себе физическую и духовную крепость. Верно, такая опасность есть.

Упомянутые информаторы — ее видят и даже видят только ее одну (не истинные поиски национального духа), и в грубом случае за это уже вперед бранят нас шовинистами и фашистами, а в самом предупредительном случае говорят: раз вы видите, что религиозно-национальное возрождение русского народа может быть подло использовано советской властью, — то и откажитесь от возрождения и откажитесь от всяких национальных чаяний.

Но ведь советская власть использует и еврейскую эмиграцию из СССР для успешного разжигания антисемитизма («вот, смотрите, единственные, кому разрешено спастись из ада, и за это Запад платит товарами»), — следует ли отсюда, что можно дать евреям совет отказаться от поисков своих религиозных и национальных истоков? Конечно, нет. Позволительно нам всем — жить на Земле естественно и стремиться к тому, к чему мы каждый стремимся, без оглядки на то: а кто как об этом подумает, что напишут в газете или какие темные силы будут пытаться использовать для себя?» (1, стр. 324-325.)

Солженицын много раз говорил и писал о том, почему он боится быстрого снятия гнета с народов СССР и немедленного введения демократии. Он предвидит, что в ситуации даже кратковременного безвластия возникнут межнациональная резня и другие катастрофические события. Поэтому он хотел бы, чтобы эволюционное раскрепощение народов СССР происходило в условиях сильной и стремящейся к фундаментальным реформам власти (1, стр. 334-337). Выступления крымских татар, события в Казахстане, в Армении и Азербайджане, в Москве (Печатники), в Прибалтике, в Одессе и т.д., а также идеология целого ряда так называемых «неформальных объединений» показывают, насколько прав Солженицын, опасаясь взрыва советского многонационального котла. А ведь крышка его только чуть-чуть приподнята.